

Ева Яблоневская

Уйти
нельзя
остаться

.....
Иногда лучше выбрать
самое сложное
.....

Ева Яблоневская

Уйти нельзя остаться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41899002

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь не выучишь наизусть и не сыграешь по нотам без ошибок. Ее не просчитаешь, как задачу, и вряд ли в конце узнаешь ответ. Ее не украсишь пудрой, не сгладить шероховатости тональным кремом и не наведешь ретушь фотошопом. Она такая, какая есть, без прикрас. Иногда ее вкус не подправишь специями и порой приходится глотать даже очень горькую таблетку. А потом, набравшись опыта, находишь и силы все изменить, чтобы уже никогда не возвращаться обратно. «Уйти нельзя остаться» – про жизнь без поправок и украшений. Обычную жизнь обычной девушки из соседней квартиры в глубине вашего двора за углом.

Ева Яблонеvская

Уйти нельзя остаться

И осанка, и каждый ее жест – каждое движение – выдавало раскованную элeгантность и железную уверенность в себе и завтрашнем дне. Каблучки итальянских сапожек цвета кофе с молоком четко выстукивали по обледеневшему тротуару. Ясное морозное утро впивалось в легкие свежим холодом и завораживало своей красотой.

Это я, Марьяна. Люблю такую погоду. Очень-очень. Она поднимает настроение и хочется жить, жить и жить. Моя норковая шоколадная шубка, казалось, тоже радовалась утренней прогулке, отблескивая крошечными снежинками, кружившими в воздухе и присевшими отдохнуть на шелковые ворсинки. Мягкие волны меха плавно колебались в такт моему шагу и гроздьям шоколадных локонов, рассыпавшимся по плечам. Несмотря на легкий мороз, вопреки обыкновению, мне вовсе не хотелось надевать капюшон. Нет, не потому, что я «девочка с картинки». Просто не хотелось.

А выгляжу я действительно, как картинка глянцевого журнала, как дорогая кукла, тем не менее, не лишенная человеческого естественности. Я это знаю. Я это вижу по лицам прохожих, которые, словно сговорившись, через одного обращиваются мне вслед. Вижу в их восторженно-завистливых взглядах, как в зеркале.

На меня налетела девушка, примерно моего возраста. Быстро окинув взглядом причину ее внезапной остановки, она шарахнулась от меня в сторону, как забитый зверек. Было ощущение, что она на мгновение забыла, куда шла, но, опомнившись, продолжила свой путь с еще более поникшим видом. Серое пальтишко делало ее незаметной в толпе и совершенно неузнаваемой, но я запомнила это лицо очень хорошо, на всю жизнь. Потому, что два года назад вот таким запуганным зверьком была я.

Когда-то и я так же точно, с дежурной прической, одевшись как хмурое дождливое осеннее утро, сгорбившись и с огромным желанием, чтобы тебя не заметили, семенила по улице. Нет, не потому, что я не ухаживала за собой или не любила этого. Просто жизнь не оставляла мне на такие глупости времени. Времени и ... денег, чтобы регулярно холить и лелеять свою природную данность. Придавив меня, практически к самому асфальту, грузом ежедневных забот, она едва не успела меня размазать, оставив мокрое место.

Глава 1

Очередной ночной кошмар, как всегда, подкрался незаметно. Около полуночи я поняла, что сынишка не спит, а ворочается уже добрых полчаса. Я потихоньку спросила, как дела, но, потрогав лоб, поняла, что температура не заставила себя долго ждать. Вдруг сообразив, что днем впопыхах забыла купить закончившееся жаропонижающее, почувствовала

холодный пот на спине, а в довершение моих самых кошмарных мыслей Дениска полез на руки со слезами и «мамочка мне так плохо». Горлышко малыша красовалось малиновым цветом, а нос почти не дышал.

Такой дискомфорт в душе был вызван еще одним фактом. Выйти ночью я не смогу, не разбудив Никиту, не говоря уже о том, чтобы послать его в аптеку. Идти-то всего ничего – повернуть за угол, но зимней ночью в метель вылезать из-под теплого одеяла мало кому понравится. Можно возразить, что папа просто обязан бежать даже босиком за лекарством, если ребенку плохо. Но, видимо, это не про нашего папу.

–Никита, – позвала я тихонько в темноту спальни, а сынуля сопровождал меня всхлипываниями, – Никита!

–Что? Чего вы возитесь, ночь на дворе?

–Денису плохо. Температура.

–Так дай лекарство, я причем? Мне на работу рано вставать, только уснул, а вам нейдет.

–Нурофена нет, мне нужно в аптеку. Я не могу его оставить в комнате одного, он плачет, – спокойно ответила я.

–А чем ты днем думала? Мозгов нет вообще!

Я не стала возражать:

–Возьми его на руки, расскажи сказку, я быстро.

–Иди сюда, горе луковое, – сказал муж, обращаясь уже к сыну, – наша мама – дура! Вот пусть и шляется сама ночами. Тем более, что сидит дома и ни хрена не делает. И вообще, чего ты его будила? Пусть бы спал себе, во сне болезнь про-

ходит, а ты его химией пичкаешь постоянно!

Дениска стал выдираться из рук и проситься на подушку. Он свернулся клубочком в углу под стенкой и тихонечко заплакал.

–Зачем ты так кричишь! Ты же его пугаешь! Он только успокоился немного! – я снова протянула руки к сыну, а он, как бельчонок вмиг вскарабкался почти на шею и, что есть силы, прижался ко мне. Малыш дышал тяжело и ртом, стало понятно, что нос забит бесповоротно. Ну, раз есть насморк – значит не грипп, и то радует. – Не плачь, солнышко! Сейчас я, быстренько, ты даже не успеешь соскучиться, обещаю! Целая ночь впереди, нельзя без лекарства, котик. Помнишь, как мы с тобой в прошлый раз играли, когда ты заболел?

–Да.

–Хочешь, еще так поиграем, когда я вернусь?

–Да.

–Вот. Хорошо, тогда ложись и укрывайся, а я мигом в аптеку. Только не спи и обязательно меня дождись.

–Мама, мне плохо. Холодно...Ай, замелз! Ай, замелз! – опять стал вопить Денис.

Под гроздь проклятий в свою сторону, я-таки запихнула малыша под ватное одеяло и, потяя с ног до головы от нервного напряжения, помчалась одеваться.

Я любила своего мужа, и он меня, возможно, тоже. И в сексе проблем не было, разве что, «не хотелось» уже намного чаще. Ссоры все чаще окрашивались «Пошла ты на хе...»,

дура» и «Чего тебе такого надо, что ты звонишь не в подходящий момент, что не могла подождать?». Мат становился обыденностью. Если бы раньше я точно стала бить посуду на очередное оскорбление, то сейчас у меня просто не хватало сил на споры и выяснения отношений, так как мозги занимало совершенно другое. Заботы с ребенком и по дому глотали дни, недели, месяцы. Я не успевала опомниться, переворачивая очередной лист календаря.

Как-то глядя фильм «Женщина в беде», я в ужасе поняла, что становится уже не смешно: обращение и отношение у нас друг к другу уже не только далеки от сказочного идеала, но и вообще от нормального варианта. Я стала забывать, как действительно это должно быть **НОРМАЛЬНО**. Однажды в очереди услышала, как уже немолодой мужчина говорит с женой по поводу покупок. От удивления я даже обернулась. У нас, как минимум, всегда звучал упрек, а вообще обязательное ругательство на счет того, что я забыла или сразу не могу сообразить, что нужно, плюс еще какое злобное рычание.

То, что я уже воспринимала за само собой разумеющееся, даже в первом приближении, на самом деле, не годилось для воспитания ребенка в семье. Я просто уже не могла настроить фильтр на нормально текущий разговор, он бы все равно бесповоротно сломался. А в остальном как? Наверное, было нормально. До его повышения: муж иногда готовил, иногда убирал, помогал с покупками, типа оставляя мне время на что-то другое, о чем обязательно не забывал припомнить при

очередной ссоре. Я, видите ли, сижу дома или по магазинам шляюсь. Это о походе раз в полгода на рынок за какой-то горячей шмоткой, которую купить было все сложнее из-за испортившейся фигуры. Он же – работает и еще на нас вечером пашет. Сразу мне иногда даже нечего было возразить, но слушать постоянные речи о своей несостоятельности, как хозяйки и матери, уже порядком надоедало.

Еще с большим страхом я ждала, как подрастающий Дениска скоро начнет копировать наше поведение. Кое-как пыталась держать себя в руках, но образумить супруга никак не получалось.

Вздыхнула я свободно, только выскочив в подъезд, но тут же испытала новый прилив пота, несмотря на полноточный двадцатиградусный минус. На лестничной клетке сверху были слышны шаги, и они приближались, света на нашей площадке не было. Лишь снизу и сверху сквозь пролеты ступенек пробивались тусклые блики освещения. Я осадилa первый порыв кинуться на улицу, убедив себя, что разумнее вернуться в квартиру и переждать. Только следом, отбросила и этот вариант, представив, что меня ждет там, если я вернусь без жаропонижающего. Потому легонько повернув в замке ключ на открывание, я стала ждать, судорожно сжимая дверную ручку. Спустя пару минут, на ступеньках показалась мужская фигура. Человек спокойно продолжал идти, ни на миг ни сбившись с такта, и это успокаивало. Я не поднимала на него глаз, наблюдая только за ногами в черных

ботинках. Вдруг мужчина остановился, и я услышала знакомый голос:

–Марьянка? Ты что ли? – сказал он удивленно.

–Ага, я. Привет, – накрытая очередной влажной волной, я облегченно вздохнула. Моей ночной страшилкой оказался сын соседки сверху, Анны Сергеевны.

Андрей жил на другом конце города и часто бывал в командировках, а я в это время приглядывала за его матерью, выполняя несложные поручения в виде покупки хлеба или лекарств, если она болела и не могла выйти.

Анна Сергеевна – почтенная леди, всегда напоминала мне английскую королеву Елизавету не только внешне, манерой одеваться, но и внутренней сдержанностью и спокойствием. Она настолько благотворно на меня влияла, что под пристальным взглядом ее красивых глаз я сразу же успокаивалась, все невзгоды и проблемы будто бы уходили на задний план, а я оказывалась под крылом доброго Ангела, где мне было уютно и спокойно. «Леди Анна» никогда не спрашивала о моих отношениях с Никитой, но мне все время казалось, что она, как рентген, видит меня насквозь. Анна Сергеевна часто вызывалась присмотреть за Денисом, пока я готовлю или убираю. Муж очень негативно относился к нашей дружбе и потому о последнем факте даже не знал. Помочь же Анне Сергеевне я забежала тайком, благо он днем работал. Денискины возгласы насчет бабушки Ани сносились на тот счет, что ее всегда можно было застать на лавочке у подъез-

да.

–Чего это ты мерзнешь тут? Ключи забыла? Не поздно-то ли для прогулки? Я скоро повернула ключ в обратном направлении и вытащила его из замочной скважины.

–Нет, просто срочно в аптеку нужно выйти, малыш заболел, температура. А ты что так поздно? – поторопилась с вопросом я, не давая собеседнику продолжить.

–Да заработался, еще один важный документ остался, спать охота страшно и сигареты закончились. Вот иду в наш ларек.

Мы спустились по лестнице, и вышли в заснеженный двор. Ветра уже не было. Снег ненавязчиво, как будто в сказке, плавно колыхаясь в воздухе, спускался на огромные сугробы. Я и Андрей направились к выходу из двора, где горел огонек круглосуточного, и остановились под его навесом.

–А что ты, у мамы решил погостить?

–Да вот она меня все пилит и пилит, что редко видимся и кушаю я по ее мнению плохо. Так что официально: восстанавливаю желудок у мамы здоровой пищей, а по факту – пообещал пожить у нее неделю, потому, что и сам соскучился. Слушай, Марьяш, не проще ли было Никитоса послать в аптеку, а сама бы с Денисом? – Не получилось у меня замять так и лезущий на рога вопрос.

–Он с ним лучше ладит в истерике..., – я сама чуть не подавилась своим враньем, потому что вспомнила, как летом Андрей был свидетелем того, что Никита орал на малолет-

него сына во дворе из-за забытого в песочнице ведра, и тогда даже сделал ему замечание. – Просто... ему в этот раз удалось Дениску успокоить, потому идти пришлось мне, – попыталась изобразить что-то более правдоподобное я.

–Ясно. Хочешь, до аптеки провожу – мне все равно, где курить? Ночь все-таки.

–Нет-нет, что ты! Тут же всего пара шагов.

–Ладно, – согласился Андрей, но я спиной почувствовала, что он медленно вышел за мной из двора, чтобы обозреть мой поход до аптеки.

Я постаралась скорее шмыгнуть в ее дверь, параллельно покосившись в сторону и убедившись в своих догадках. Толкнув с силой обычно тяжелую дверь предбанника, я со всего разгону треснулась о нее лбом и только тут увидела на уровне глаз табличку о том, что аптека не работает временно по причине непредвиденного ремонта. Я чуть не расплакалась от боли и одновременно от обиды. Ведь теперь придется идти через весь квартал до следующей. Деваться было некуда и я, не оборачиваясь в сторону двора, посеменила вдоль дома дальше. На улицах было совсем безлюдно. Первый час ночи, мороз и будний день не располагали к столь поздним прогулкам. Снова стало страшно, в голову почему-то закралась мысль «вот, если бы Андрей за мной наблюдал, то, может, хоть компанию бы составил. Хотя, с чего ему это делать? Ну, просто из любезности или из благодарности за помощь Анне Сергеевне. Просто мне жуть, как страшно! Даже кра-

сотой вокруг: пляшущим снегом в свете фонарей я не могу любоваться». Мой странный диалог с собой прервал чуть уловимый шелест подъехавшей почти вплотную машины и сигнал. Я вздрогнула и снова вспотела, теперь уже от страха.

–Марьяш, давай, садись скорее. Ща сгоняем за твоим лекарством. – В машине сидел Андрей.

Я даже не успела поблагодарить Бога за посланное облегчение, как он вышел и затолкал меня на место рядом с водителем. Мы быстро справились в аптеке и вернулись обратно. У двери квартиры я поблагодарила Андрея и попрощалась. Едва открыв дверь, практически наткнулась на мужа, дежурившего в коридоре.

–Значит ребенок в температуре, а ты светские беседы по ночам в подъезде ведешь?

–Я всего лишь поздоровалась с соседом, вышедшим покурить. – Жесткий взгляд Никиты снова заставил нервничать. – Вернее попрощалась...

–Ты уж определись, либо одно, либо другое. Почему так долго? Небось, трындела с ним во дворе.

–Аптека за углом не работает, пришлось идти в дальнюю. Потому и долго, – как можно спокойнее ответила я. – Как Денис?

–Спит.

–Я же просила, не давать ему уснуть.

–Да пошла ты! Сама бы и сидела, если тебе все не так, что другие делают, – рявкнул муж и скрылся в дверях спаль-

ни. Еще через пять минут, оттуда послышался размеренный храп.

До рождения сына у нас все было как у всех: четыре года относительной стабильности. Были и взлеты и падения, которые в каждой семье случаются. Наверное, все матери меня поймут, когда скажу, что многие вещи, на которые я раньше не обратила бы внимания, с появлением малыша стали минимум – принципиальными, а максимум – вопросом ребром. И наоборот, что-то уходило совсем на задний план. Единственно важное, что отличало мою жизнь «до» и «после» появления младенца, это огромная ответственность перед крохой и страх его потерять. Чего при всем моем уважении о муже я сказать не могла. Если бы он чувствовал так же, наверное, мы и не развелись бы никогда. Хотя и прежними отношения бы уже не стали. Очень глупо осознавать, что плод нашей любви ее же, по сути, и убил.

Если во время беременности Никита ещё терпел мой затянувшийся токсикоз, не позволяя себе высказать вслух то, что читалось во взгляде, а именно, что я притворяюсь, чтобы ничем не заниматься дома, то с появлением малыша все стало значительно хуже. К ребенку он практически не подходил и больше месяца даже не брал его на руки, мотивируя тем, что не знает, как обращаться с младенцем. Я понимала, что это отговорки, только времени на обиды не было. Потом я осознала, что вообще ращу сына сама. К моменту расставания жизнь действительно разделилась на «мою» и «его».

Все чаще я стала замечать, что взхлеб рассказывая о новом достижении карапуза, я натыкалась на холодное «ну короче, ты, что не можешь сразу по сути?» или «мне все понятно, можешь не продолжать». Глотая обиду, которая осаждалась где-то в желудке комком горечи и злобы, я уходила заниматься домашними делами.

В выходные наш папа то и дело норовил уехать. Сам. К родителям в деревню, а это святое – помочь. На мои звонки отвечал редко и было понятно, что он там совсем не напрягается с трудами, а отдыхает за столом с рюмочкой и приятной беседой. Также возникала надобность помочь друзьям с компьютером или ещё с чем. До ночи ожидая, когда он, наконец, появится, я звонила и не ложилась, пока он не придет. Это было лишним, поскольку он просто ходил в гости. Без меня. То есть без нас. Как-то даже уехал с друзьями в лес, погулять и грибы пособирать. На мое возражение, я получила исчерпывающий ответ: «Ты теперь мать, вот и расти ребенка. А ты как думала? Гульки придется отложить надолго, мамаша». Были и необоснованные задержки на работе, а на самом деле он продолжал жить, как ему нравится, и рождение ребенка на его будни и праздники никак не повлияло.

Дениска, умудрявшийся хватать самые тяжелые болячки типа бронхитов, воспалений или очередного жуткого ОРВИ доводил меня до белого каления. Последующее определение в стационар влекло ещё и незапланированные расходы, на которые средств, как правило, было по нулям. Я понимала,

что состояние у ребенка серьезное, без больницы не обойтись, и трясущимися руками собирала вещи. Точнее одной рукой. На другой висел горящий в температуре сынишка. А мозги мне промывала новая лекция на тему, что я не люблю свое дитя, не хочу сама бороться с болезнью, а перекладываю ответственность на врачей, которые когда-нибудь залечат его и заколют грудой ненужных лекарств. Только на вопрос, а что же делать тогда, ответа мне никто не давал. Я – мать, мои проблемы. Давалось непомерное количество ЦУ и как резюме «Делай, что хочешь, чтоб потом не говорила, что я виноват». И так, вся в слезах, я ехала опять по знакомому маршруту в детское отделение.

Моя тревога ни разу меня не обманула. Я привозила ребенка вовремя, получая совершенно мне не нужную благодарность врачей. Отойдя от первого шока, как у любой матери, когда заболевает ее ребенок, на трезвую голову я понимала: причина скандала – деньги. Что сделать со своей стороны, я уже не знала. За сыном следила фанатично, старалась закалять и т.д. и т.п. В итоге снова оказывалась всегда виноватой в его очередной болезни. Хотя, если положить руку на сердце, болел то он хоть и сильно, но не так уж часто. Ну, раз в три-четыре месяца. Редко, зато метко.

Глава 2.

Теперь меня ждала стандартная процедура: разбудить сынишку, напоить лекарством, дождаться, когда спадет жар

и тогда лишь уснуть, не забывая проверить его через пару-тройку часов. Ночь выдалась тяжелой, температура сбивалась плохо и под утро я еле ее одолела, а сон свалил меня. Около десяти я едва смогла встать на звонок разрывающегося телефона. Это была Анна Сергеевна. Сын рассказал ей, что Денис заболел.

Утро прошло, как в тумане: малыш не отпускал ни на секунду, все время хныкал, почти не дышал носом. Хорошо, хоть не просил есть, а то приготовить было бы невозможно. Ухо уже горело от телефонной трубки. Битых два часа я не могла дозвониться в поликлинику, чтобы вызвать доктора. Поговорив, едва сдерживая слезы с родителями, я убедила их, что все под контролем, и мы ждем врача. Вдруг в дверь позвонили. Я усадила Дениса в манеж и пошла открывать. На пороге стояла очень красивая и эффектная дама средних лет. Я так была впечатлена неожиданным появлением такой гостьи, что даже не сразу поздоровалась.

–Добрый день. Вы – Марьяна?

–Да, здравствуйте.

–Я врач, педиатр, Лиза Федоровна Доложевская.

–Это просто замечательно, только я никак не успела еще дозвониться в поликлинику.

–Андрей Александрович просил меня посмотреть вашего малыша. Сказал, что ему было плохо ночью.

–А-а-а, Андрей... Александрович... да, спасибо большое, что Вы зашли. Если честно, я в истерике уже. Проходите,

пожалуйста! – Я засуетилась у двери и только сейчас заметила, что в руках у дамы был внушительных размеров медицинский саквояж.

– Не переживайте так, Марьяна, и не суетитесь, пожалуйста. Я же по работе приехала, а не на званый прием, – вдруг сказала врач, как будто читая мои мысли про то, что не убрано, нет тапочек, а она сейчас пройдет в комнату в сапогах и снова придется чистить ковер, на котором так любит валяться Денис. И еще кучу глупостей не к месту. В голове был полный бардак, так что я даже не успела устыдиться в них, как доктор сняла шубу, вытащила из ее кармана бахилы и ловко их одела, а затем прошла в ванную и помыла руки. Я уже стояла у нее за спиной, держа чистое полотенце. Она была в белом халате поверх платья цвета гнилой розы.

– Ну, что, чемпион, говорят, ты приболел? И уже в который раз. – Денис заулыбался во все свои передние зубы.

Да уж, в который раз...

Врач долго осматривала ребенка, периодически спрашивая то меня, то Дениску.

– Я читала вашу медицинскую карту. В принципе у вас здоровый мальчик, у него всего одна проблема, которая не решается, а потому провоцирует новые и новые заболевания. Я считаю, что проблема эта в аденоидах, их нужно удалить и немедленно. Иначе такие повышения температуры приведут к ослаблению и глазной мышцы, и сердечной и т.д. и т.п., – Лиза Федоровна села на стул и стала что-то писать.

–Так. Паниковать не надо. Вот направление в стационар. Поедете туда сегодня же. Иначе ночью он вообще может начать задыхаться, состояние почти критическое. Пока соберетесь, дайте снова жаропонижающее антигистаминные. Это заявление на то, чтобы я была вашим участковым домашним доктором, подпишите, если вы не против, конечно.

–Конечно не против... – поспешила закивать я, взяла бумагу и тут же подписала. – Да моего сына вовек так никто на дому не осматривал!

–Ну и замечательно. Теперь я ваш официальный и законный врач. Вот моя визитка с контактами. Вам не нужно теперь дозваниваться в поликлинику, если Денис заболевает. Звоните сразу мне. Даже если вы выйдете на работу, и Вам будет нужен больничный лист, эти вопросы решаю я. Вы звоните мне, какая бы проблема не возникла, в любое время суток, если состояние ребенка тяжелое. Если же дело пустяковое, я дам рекомендации прямо по телефону. Иначе либо выеду сама, либо пришлю медсестру для оценки ситуации, если сама буду на дежурстве. Есть ли у Вас вопросы?

–Спасибо большое! А... м-м... сколько стоит ваш визит сегодня? – Я замаялась, опустив глаза в пол.

–Марьяна, ну чего вы так смущаетесь? Это совершенно нормальный вопрос в наше время. Дама по-матерински погладила меня по плечу. Для вас мой визит бесплатный и сегодня, и впредь. И визиты, и консультации по телефону, и беспокойство во внеурочное время **БЕСПЛАТНО**, подчер-

киваю. Я ваш законный педиатр.

–Спасибо! Большое Вам спасибо, доктор!

–Пожалуйста. Это же моя работа. – Она заулыбалась. – А теперь немедленно собирайте вещи и в стационар, там вас еще раз посмотрит лор. Но вообще готовьтесь к операции и недельку полежать в больнице. А после попрощаетесь с вашими болячками надолго. До свидания!

–До свидания!

Я закрыла дверь и на минуту остановилась, соображая, что делать и куда звонить в первую очередь. Сначала набрала Анну Сергеевну и попросила поблагодарить Андрея, так как доктор пришла очень вовремя. Потом сообщила маме, та вызвалась помочь, сказав, что приедет, пока я соберу вещи. Звонок мужу прошел в «обычном режиме».

–Привет Никита!

–Привет. Что у тебя?

–Мы в больницу едем...

–Давно пора. А ты до сих пор дома сидишь? – резко перебил меня он. – А потом ночью причитать будешь, что тебе такси нужно и, как всегда, срочно.

–Никита... погоди, я хотела сказать...

–Знаю я, что ты хочешь сказать: деньги тебе нужны. Оставил на тумбочке в спальне. Не волнуйся, поедешь развозить, как обычно. Главное, чтоб сына не долечили до ручки. Будешь бумажки подписывать, думай своими мозгами куриными, читай! Ладно, мне некогда с тобой лясы точить, потому

что я в отличие от некоторых эти самые деньги зарабатываю и ночь переколотился, а мне работать нужно. Все.

–Никита, постой! – но в трубке раздались короткие гудки. Попытка перезвонить наткнулась на сброс.

Деньги были одной из главных причин участвовавших ссор, помимо того, что я по дому ничего не делаю и вообще лентяйка. С моим уходом в декрет поясок и так затянулся, потом появились расходы на сына, и на меня совсем ничего не оставалось. А выглядело так, что я постоянно покупаю себе вещи и ем как стадо бегемотов, что непомерно трачу деньги, и потому всегда не хватает. Так что, пора бы и при- тормозить.

Все чаще меня доводили до иступления разговоры вроде:

–Где деньги, что я тебе оставляю?

–Потратила почти все.

–Все? Ты с ума сошла?

–Ну, ты вроде их давал на повседневные нужды, а не чтоб просто полежали у меня.

–На что ты их потратила?

–Продукты, морковь, картофель, кефир...

–Кефир столько не стоит! Что ещё? – злобный окрик заставлял мои руки предательски дрожать.

–Я сейчас пойду напишу список, вспомню.

–Безмозглая что ли? Не помнишь, куда деньги дела?

Тогда я завела себе привычку, записывать все, что трачу, до мелочей, а также в какой день Никита дал мне деньги и

сколько. Если я сразу отвечала, какие были растраты, скандал был чуть меньше, а иногда даже не разгорался вообще. Самое дорогое старалась заставлять покупать мужа, чтобы понимал, куда уходят деньги.

С подругами я общалась все реже и то по телефону. Речь неизменно заходила о мужьях и детях, а мне не особо хотелось говорить об этом. Тем более, что встречались мы почти всегда вечером, а меня Денис не отпускал, так как не хотел возиться с сыном и укладывать его спать. К тому же денег на чашку кофе в кафе у меня тоже не было. Не то, чтоб поддержать наш привычный набор с бутылочкой и салатиком.

Когда не хватало совсем, мне приходилось просить у родителей взаймы, а при отдаче меня ждал очередной вариант регулярного скандала: «Ты что разве потратила столько денег? Я спрошу у твоей матери, куда это они ушли, сейчас ей сам позвоню, чего это она столько с нас требует. Может и подождать, не умрет с голода». А то, сколько нам доставалось просто так с подачи моих родителей – вообще не считалось: «ну я же не просил их нам помогать, они же сами изъявили желание помочь внуку и тебе». В следующий раз я просто отказалась идти просить деньги у своих. Сказала, чтоб сам решал, как выкручиваться.

–Андрюшка, привет! Не занят?

–Для Вас я всегда свободен, Лиза Федоровна!

–Да ладно тебе! Что я не понимаю, что ты на работе?

–Как дела?

–Была у твоей зазнобы, мальчика посмотрела. Замечательный пацан! У него аденоиды в гное все, нужно удалять и проколоть антибиотики. В принципе то все проблемы у них от этого. Направила в стационар к нам, позвонила заведующему. Примут в лучшую палату, в лучшем виде, и я посмотрю.

–Лиза Федоровна!!! С меня причитается!

–Андрюш, да перестань ты, в самом деле! Я буду их доктором совершенно бесплатно и на законных основаниях. Быть доктором – моя работа, и мне все равно, кто пациент. А если об этом ты просишь – вообще не обсуждается.

–Лиза Федоровна, спишите все растраты на счет нашей фирмы, пожалуйста. Операция ведь недешево обойдется. И, очень важно, чтобы Марьяна не знала. Скажите, что все бесплатно. Ну, пусть там купит пару перчаток и моток ваты для отвода глаз.

–Ладно-ладно, сделаю. Все сделаю, не волнуйся.

–Спасибо!

–Не за что. Кстати, она очень красивая, просто загнанная, как лошадь. Очень образована и воспитана. Такое чувство, что породистую кобылку поставили в хлев к свиньям. И она поменялась в глазах, когда услышала о тебе.

–Ну, так удивилась и поменялась в лице.

–Я сказала не в лице, а в глазах.

–А есть разница?

–Огромная!

–Откуда вы поняли, что она образована и воспитана?

–Я же говорю: все дело в глазах.

–Я вас просто обожаю!

Через полчаса приехала мама и отвезла нас с сынишкой в лор-отделение. Увидев направление, девушка на ресепшине засуетилась. Через пять минут появился заведующий. Он посмотрел Дениса, подтвердил диагноз, спросил, почему до сих пор не лечили, на что я промямлила что-то вроде «врачи ничего не говорили про аденоиды». Затем нас поместили в палату, предварительно поинтересовавшись, какую я хочу – отдельную или с такой же мамочкой. Я сказала, что подойдет любая общая. Меня привели в двухместную: на двоих мам с детками.

Скоро познакомившись с соседкой, я начала было устраиваться, но тут заметила, что в комнате непривычно чисто, пластиковые окна. Постельное в приятный розовый цветочек, а у Дениски в голубой. Новая мебель, игрушки, бак с горячей водой над умывальником. Когда я за дверью обнаружила туалет, то оставив сына на новую знакомую, пошла на пост разбираться: палата явно была платная, и они видимо ошиблись, поместив меня сюда.

–Девушка, я уже все вам сказала.

–Вы не понимаете: палата платная, у нас нет таких денег. Меня устроит любая койка, даже в коридоре!

–Так: Марьяна Петровна! Все, что вам нужно оплатить, вы найдете в том списке, что я вам дала. Палата бесплатная для пациентов Лизы Федоровны Доложевской. А вы – ее пациент. Вам все понятно?

–Понятно. Сдалась я. Бесплатная, значит все в порядке. – И поплелась к себе. – Не придется перед Никитой отчитываться. А то скажет, что я тут, как королева, устроилась за его счет.

Сестра хозяйка поинтересовалась, есть ли у меня одежда для ребенка, и, услышав утвердительный ответ, повесила на вешалку два полотенца и махровый халат сиреневого цвета. К нему прилагались резиновые тапочки, на манер пляжных, длинная футболка и упаковка носков в тон. Она пояснила, что это для меня. Мамы часто забывают о себе с больными детками, а так всегда есть во что переодеться. Самое интересное, что в который раз собирая привычную сумку, я забыла положить себе абсолютно все кроме пары предметов нижнего белья.

В течение часа были взяты все анализы и сынишку забрали на операцию. Мне же сказали сидеть в палате, никуда не ходить и что-то вкололи. Из глубокого спокойного сна меня вытащил телефонный звонок. Я вскочила: в палате было почти темно, и горела настольная лампа. Соседки с ребенком не было. Телефон просто разрывался: на экране виднелось лицо мужа.

–Да! Алло! Слушаю! – выпалила я в трубку.

–Что ты слушаешь? Это я слушаю. Где вы есть? На дворе ночь и жрать дома нечего, как в прочем и всегда.

–Я же тебе звонила и говорила, что мы едем в больницу.

–Ну, в больницу, она уже давно закрыта твоя больница!

–У Дениса гнойные аденоиды, его положили на операцию, мы в стационаре. Ты же не дослушал меня и трубку бросил!

–В каком стационаре, какая операция? Ты совсем с катушек съехала? Мало того, что залечиваешь ребенка, так теперь еще и зарезать решила? Ты что, идиотка, выполнять все, что тебе не скажут эти докторишки? Ты почему со мной не посоветовалась? Где Денис? И почему у тебя голос, как будто ты пьяна или спала?

–С Денисом все в порядке. Мы отдыхаем, – в голове заби-лась мысль, о том, что она и правда не знает, где ребенок.

–Ты спишь? Вот скажи, ты ненормальная? Где мой сын? Ты не знаешь, где он?

Марьяна стала плакать, горячие слезы катились градом по щекам. Она затряслась в истерике.

–Что ты нюни распустила, иди ребенка ищи, мамаша недоделанная! – вопль мужа привел ее в сознание. В комнату вошла сестра и проследовала к манежу. Марьяна вскочила и заглянула в манеж – в кровати мирно спал Денис. Набрав воздух в легкие, Марьяна как можно жестче сказала в трубку

–Это ты недоделанный, поскольку русского языка не понимаешь: мы отдыхаем. Дениска спит. С ним все в порядке.

–Знаешь, что, если ты не приедешь домой ночевать, мо-

жешь вообще не возвращаться! Придумала ребенка по больницам таскать. Ты слышишь меня!

—Я никуда не поеду на ночь глядя с прооперированным ребенком. Можешь говорить, что угодно. Если захочешь нас навестить, приемные часы можно узнать на санпропускнике, — я бросила трубку.

Медсестра, делая вид, что разговор ее не касается, возилась у кровати.

—У вас все в норме — и температура и дыхание. Я еще зайду через пару часов. Но вдруг чего, зовите немедленно, — девушка кивнула в сторону кнопки на стене. Ему укололи обезболивающее, так что в принципе даже если проснется, ему не будет особо плохо. Возьмите его на ручки и приласкайте. Доктор уверен, что все прошло идеально в такой ситуации. Прилягте и поспите.

—Спасибо!

Девушка вышла, а вместо нее вошла моя соседка с ребенком на руках. Я немного отдохнула и была в настроении поболтать, чтобы отвлечься от невеселых мыслей. Она меня поддержала, и мы проболтали довольно долго, пока обеих не склонил Морфей. За это время несколько раз звонил Никита, но я не брала трубку и отключила телефон.

Утро началось замечательно. Сын проснулся в настроении и хорошем самочувствии, ему укололи все надлежащие уколы через венфлон, что вызывало лишь интерес, а не истери-

ческий плачь до посинения. Послед довольно вкусногo за-
трака снова позвонил муж:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.